

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА В ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Ю. М. Иванов

Развитие капитализма в Тропической Африке имеет ряд специфических черт, отличающих его от экономически развитых стран. Несмотря на многовековые контакты с европейскими государствами, колониальное порабощение и связанную с ним эксплуатацию колоний монополистическим капиталом, буржуазные производственные отношения в этом регионе носят еще весьма ограниченный характер. Сохраняющиеся традиционные структуры до сих пор охватывают подавляющее большинство населения и оказывают громадное влияние на все стороны жизни молодых африканских государств. Эта застойность и обусловленная ею вековая отсталость во многом объясняются особенностями эволюции капитализма в колониальный период.

Настоящая статья в значительной мере написана на основе материалов стран Центральной и Восточной Африки. В ней рассматриваются лишь некоторые из основных черт развития капитализма в колониальный период, раскрывающих связь порожденного им товарного производства с натуральными формами хозяйствования. Исследование особенностей развития капитализма в колониальный период, обусловленных связью порожденного им товарного производства с натуральными формами хозяйствования, представляет один из аспектов более широкой проблемы форм и методов колониальной эксплуатации народов Тропической Африки, которой посвящено немало работ советских ученых¹.

Возникновение капиталистического производства в Тропической Африке было связано с захватом этого региона империалистическими державами и превращением его в аграрно-сырьевой придаток метрополий в условиях, когда местное товарное производство практически еще не существовало. Ремесло к этому времени зачастую не успело отделиться от сельского хозяйства. Ремесленные изделия обычно производились крестьянами. Собственно городского населения, не связанного с сельским хозяйством, не было. Поэтому обмен продуктами труда, как правило, не выходил за рамки рудиментарных натуральных форм. «Лишь очень небольшое число специалистов,— пишет английский автор П. Гулливер,— например, резчики по дереву, специалисты по изготовлению стульев, кузнецы, гончары — производили ремесленные изделия для обмена. Строго говоря, для них это было побочным промыслом, а не альтернативой земледелия. Таких лиц общинники обычно традиционно ком-

¹ См. И. И. Потехин. Африка смотрит в будущее. М. 1960; В. В. Рымалов. Распад колониальной системы и мировое капиталистическое хозяйство. М. 1966; В. Л. Тягуненко. Проблемы современных национально-освободительных революций. М. 1966; В. Г. Солодовников. Неоколониализм: теория и практика. М. 1966; его же. Африка выбирает путь. М. 1970, и др. Из зарубежных монографий по этой проблеме см.: Дж. Уоддис. Африка. Причины взрыва. М. 1962.

пенсировали продовольствием или от случая к случаю пивом»². При этом производство, предназначенное для обмена, ограничивалось почти исключительно ремеслом и не распространялось на ведущую отрасль — сельское хозяйство. Складывавшаяся территориальная специализация труда далеко не всегда сопровождалась выходом за рамки натурального обмена.

В этих условиях капиталистическое производство могло развиваться преимущественно на базе внешнего рынка. И это действительно было так: товарное производство и капитализм развивались прежде всего на базе экспортных отраслей³. А это неизбежно влекло за собой подчинение экономики африканских стран влиянию конъюнктуры на мировом рынке, так как темпы и основные направления развития товарного и капиталистического производства определялись прежде всего не внутренним, а внешним спросом, обусловленным динамикой производства в капиталистически развитых странах вообще и метрополиях в особенности.

Вместе с тем, поскольку внутренний рынок практически отсутствовал и производство носило натуральный характер, капитал здесь мог функционировать лишь в таких формах, которые мало опосредовались местными товарно-денежными отношениями. Поэтому не случайно в колониях капитал вкладывался главным образом в такие отрасли, как горное дело и земледелие. Основные средства производства — оборудование, машины, инструменты и т. п. — импортировались. Итак, воспроизводство постоянного капитала фактически не было связано с внутренним разделением труда и местным товарным производством. Наоборот, воспроизводство переменного капитала в основном происходило на месте, хотя оно и не носило полностью товарный характер, поскольку семьи работников, занятых на предприятиях европейцев, оставались в деревне и существовали за счет натурального хозяйства. Ведущую роль в воспроизводстве рабочей силы занимало продовольствие, которое производилось в колониях, тогда как немногочисленные промышленные товары личного потребления ввозились из-за границы.

Таким образом, в Тропической Африке воспроизводство промышленного капитала осуществлялось без развитого местного товарного производства, которое ограничивалось преимущественно продовольствием, производимым в хозяйствах европейцев-колонистов и африканских крестьян. В связи с этим ввоз европейского капитала и появление в результате этого капиталистических предприятий не сопровождалось соответствующей товаризацией экономики африканских колоний. Практически местный внутренний рынок, складывавшийся в связи с ввозом промышленного капитала, формировался главным образом за счет превращения рабочей силы в товар и производства продовольствия для ее потребления. Причем второе зависело от первого, поскольку производство продовольствия на рынок исторически появлялось на базе спроса занятых на предприятиях колонизаторов рабочих, вынужденных существовать на заработную плату. Это особенно характерно для таких стран, как Северная и Южная Родезия, Кения, Конго (Леопольдвиль) и др., где наблюдался усиленный приток европейского капитала. Для всех их типична как бы перевернутая схема развития капитализма — последний возник не на основе местного товарного производства, а предшествовал ему.

В то же время колониальная эксплуатация препятствовала развитию общественного разделения труда. Она чрезвычайно ограничивала возможность роста обрабатывающей промышленности и связанного с нею городского населения. Импорт промышленных товаров из метропо-

² P. H. Gulliver. The Evolution of Arusha Trade. «Markets in Africa». Ed. by P. Bohanan and G. Dalton. Evanston. 1964, p. 435.

³ A. O'Connor. An Economic Geography of East Africa. N. Y. 1966, p. 14.

лии не только задерживал развитие местной промышленности, но и подрывал существовавшее еще до прихода колонизаторов ремесло. «Покупаемые африканцами товары,— писал английский этнограф Р. Грей,— включают одеяла для стариков, одежду для мужчин и бусы для женщин. Ввезенные из-за границы топоры и ножи уже в значительной степени вытеснили местные изделия»⁴. Колониальная эксплуатация имела тенденцию закреплять и усиливать исторически сложившийся аграрный характер экономики. Тем самым внутренний рынок был лишь побочным результатом процесса создания сырьевой базы, необходимой для развития промышленного производства в метрополиях⁵.

В целом в Тропической Африке не внешний рынок являлся производным от внутреннего, а, наоборот, внутренний рынок был производным от внешнего. В этом и состоит коренное отличие генезиса местного внутреннего рынка от капиталистически развитых стран, где исторически первичным был внутренний рынок, а внешний носил производный характер. Так же, как и развитие капитализма в целом, процесс формирования внутреннего рынка здесь происходил как бы по перевернутой (по сравнению с классической) схеме, что предопределило, между прочим, ограниченный характер роста буржуазных производственных отношений, наиболее точным показателем которого является степень развития внутреннего рынка.

Известно, что общественное разделение труда является той базой, на которой формируется внутренний рынок. «Основным процессом создания внутреннего рынка (т. е. развития товарного производства и капитализма),— подчеркнул В. И. Ленин,— является общественное разделение труда. Оно состоит в том, что от земледелия отделяются один за другим различные виды обработки сырья (и различные операции по этой обработке) и образуются самостоятельные отрасли промышленности, обменивающие свои продукты (теперь уже *товары*) на продукты земледелия. Земледелие таким образом само становится промышленностью (т. е. производством товаров), и в нем происходит тот же процесс специализации»⁶. В капиталистически развитых странах именно эти процессы и явились той основой, на которой развивался капиталистический внутренний рынок, скрепивший их хозяйственную целостность. Товарное производство и капитализм здесь развивались преимущественно за счет внутреннего разделения труда, и лишь их дальнейший рост, вышедший за национальные рынки, привел к появлению мирового капиталистического хозяйства и рынка.

В Тропической Африке развитие товарного производства и капитализма также происходило на базе общественного разделения труда. Однако оно носило преимущественно не внутренний, а международный характер. Накануне прихода колонизаторов здесь практически не было разнородных хозяйственных единиц, обслуживавших местный рынок. Хозяйства обеспечивали себя всем необходимым за счет натурального производства. Поэтому «разнородность» обнаруживалась не столько внутри региона, сколько в отношениях с капиталистически развитыми странами, стремившимися захватить рынки сбыта и источники сырья. В условиях, когда сельское хозяйство африканских стран еще не приобрело товарного характера, превращение Африканского континента в колонию европейского империализма послужило политической предпосылкой экономического порабощения этих стран в интересах международного монополистического капитала.

В созданной колониальной эксплуатацией системе внешнеэкономических связей Тропическая Африка стала играть роль деревни, тогда как

⁴ R. F. Gray. Economic Exchange in Sonjo Village. «Markets in Africa», p. 491.

⁵ См. А. Эльянов. На пути в XX век. М. 1969.

⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 58.

метрополиям принадлежала роль города, выкачивавшего из нее сырье и сбывавшего здесь свои промышленные товары. А это уже само по себе не могло не сказаться отрицательно на росте общественного разделения труда внутри исследуемого региона.

Узость внутреннего рынка ограничивала сферу приложения промышленного капитала преимущественно теми отраслями, которые были рассчитаны на внешний рынок, где, как уже указывалось, Тропическая Африка выступала в качестве поставщика сырья. Однако даже капиталистическое производство сырья развивалось весьма ограниченно. Крупные залежи минерального сырья зачастую не разрабатывались, иностранные монополии «держали их впрок», до наступления благоприятной конъюнктуры. В ряде случаев открытые и весьма рентабельные месторождения не использовались из-за испытываемой монополиями боязни снижения цен⁷. В еще худшем положении с точки зрения приложения капитала оказывалось сельское хозяйство, где лишь немногие отрасли были доходными настолько, чтобы обеспечить издержки крупного капиталистического производства. Его попытки утвердиться во многих отраслях нередко завершались крахом. Так, в начале XX в. потерпели фиаско планы германской колониальной администрации создать крупные плантации по производству хлопка в Танганьике. Неудачей закончились и попытки английских колонизаторов перейти к крупному капиталистическому производству земляного ореха в Танганьике и Кении после второй мировой войны.

Типичным примером подобного рода может служить и Уганда, которая в первоначальных планах английских завоевателей должна была стать страной европейских поселенцев. С этой целью у африканцев экспроприировались земли; всемерно поощрялось развитие плантационного хозяйства; с тем, чтобы стимулировать приток дешевой рабочей силы на предприятия европейцев, был введен закон, согласно которому лица, не работавшие по найму, обязывались в принудительном порядке в течение месяца отработать в пользу колониальной администрации. Однако эти меры оказались недостаточными. Когда после первой мировой войны произошло падение цен на сельскохозяйственное сырье, плантационное хозяйство в Уганде быстро пришло в упадок и так и не возродилось. «Основной причиной упадка плантационного хозяйства в Уганде,— замечает английский автор У. Элкан,— были слишком высокие издержки по сравнению со стоимостью производившейся продукции. Выращивавшееся в европейских хозяйствах кофе было низших сортов, а каучук приносил доход только в редкие, благоприятные в отношении осадков сезоны»⁸. В целом же в колониальный период — особенно до второй мировой войны — во многих странах Тропической Африки (Уганда на востоке, Нигерия, Сенегал, Дагомея, Того и другие на западе, почти все колонии Экваториальной Африки) вложения промышленного капитала не играли значительной роли в экономике.

Узость внутреннего рынка, не защищенного от конкуренции товаров, ввозимых из метрополии, препятствовала росту капиталистического производства, тем более что и на базе внешнего рынка возможности его развития были весьма ограничены. Однако было бы неверно из этого делать вывод, что действие указанных факторов служило непреодолимым препятствием для накопления капитала. Более того, они как раз ускоряли этот процесс. В африканских колониях иностранный капитал, как это ни парадоксально, сам был заинтересован в узости внутреннего рынка. Порожденное им товарное производство, являясь противоположностью натуральным формам хозяйствования, тем не менее было тесно связано с последними и опосредовалось ими в процессе общественного

⁷ А. Ю. Шпирт. Экономика стран Африки. М. 1963, стр. 117.

⁸ W. Elkan. The Economic Development of Uganda. Nairobi. 1961, p. 21.

воспроизводства. Это были взаимосвязанные стороны одного и того же процесса — процесса накопления капитала в колониях.

Эти черты наиболее ярко обнаруживаются на примере ведущих форм колониальной эксплуатации африканцев (в качестве как крестьян-отходников на предприятиях, принадлежавших иностранцам, так и мелких товаропроизводителей, занятых преимущественно в производстве экспортных культур). Важнейшая особенность данных форм заключалась в том, что обе они были связаны с сохранением натурального хозяйства. Отходники оставляли свои семьи в деревне, существовавшей за счет натурального производства, крестьяне-товаропроизводители выращивали в своих хозяйствах потребительские культуры и изготавливали предметы домашнего обихода. Хотя эти формы, как правило, сосуществовали на территориях отдельных стран, их соотношение было разным в зависимости от того, преобладал ли в их экономике промышленный или торговый капитал. В частности, первая (отходничество) наиболее типична для Кении, Северной и Южной Родезии, где наблюдался усиленный ввоз европейского капитала, вторая (крестьянское хозяйство по выращиванию экспортных культур) — для Уганды и большинства стран Западной и Центральной Африки, где колонизаторам было невыгодно заводить свои предприятия.

Отмеченные различия в методах колониальной эксплуатации оказали глубокое влияние на структуру экономики стран Тропической Африки. Это, в частности, наглядно видно из сравнения данных о валовом внутреннем доходе Кении и Уганды. Так, несмотря на то, что по численности населения Кения и Уганда мало отличались друг от друга (в начале 50-х годов в Кении насчитывалось 5,5 млн., а в Уганде 5 млн. человек), валовой внутренний доход в Кении был значительно выше, чем в Уганде, точно так же, как и доля в нем несельскохозяйственных отраслей. Ввоз европейского капитала обеспечивал Кению более быстрые темпы экономического развития, которые достигались прежде всего в ущерб сельскому хозяйству — основной отрасли производства коренного населения. И по стоимости продукции африканского сельского хозяйства и по степени его товаризации Уганда намного обогнала Кению, несмотря на то, что доля натуральных поступлений в валовом внутреннем доходе в Кении была ниже. Последнее обуславливалось тем, что в Кении подавляющая часть валового внутреннего дохода приходилась на капиталистические предприятия, принадлежавшие иностранцам⁹.

Меньшая степень товаризации, преимущественно натуральный характер сельского хозяйства африканцев в таких странах, как Кения, объясняются тем, что здесь колонизаторы были заинтересованы прежде всего в росте числа крестьян-отходников, занятых на предприятиях, принадлежавших европейским предпринимателям. В связи с этим создавалось препятствие для развития африканского торгового земледелия. Если учесть, что натуральный характер и замкнутость крестьянских хозяйств исключали товарное производство сельскохозяйственной продукции, за счет которого крестьяне могли бы удовлетворить свои потребности в деньгах, то им оставалось только одно — уходить на заработки на предприятия, принадлежавшие европейцам. Поэтому в тех странах, где иностранный капитал особенно нуждался в местных наемных рабочих, африканское торговое земледелие было наименее развитым. Последнее находилось в непримиримом противоречии с капиталистическим производством европейских предпринимателей, условием и предпосылкой существования которого было полное отсутствие или стагнация африканского производства на рынок. Не случайно поэтому миссионерский Совет Кении в свое время указывал на то, что главной причиной, тормозившей развитие товарного производства в резерва-

⁹ См. «The East African Yearbook 1953—1954». Nairobi, p. 84.

тах, является необходимость иметь много туземцев, работающих по найму¹⁰.

Для обеспечения потребностей капиталистических предприятий, возникших на базе ввоза капитала, в рабочей силе колонизаторы сознательно ограничивали развитие торгового земледелия африканцев рамками небольших анклавов (район Ашанти в Гане, Буганда и Восточная провинция в Уганде, районы племени тонга в Северной Родезии и т. д.) и препятствовали его росту на большей части территории Тропической Африки, превратив этим ее в «резервуар» рабочей силы, обслуживавший товарное и капиталистическое производство. Поэтому там, где преобладало массовое отходничество, не велось строительство дорог и не внедрялось производство экспортных культур. Местное население должно было существовать за счет натурального хозяйства и денежных поступлений от заработков на стороне.

Таким образом, ввоз европейского капитала в Тропическую Африку не только не сопровождался ликвидацией натурального производства коренного населения, но и способствовал его сохранению, препятствуя его товаризации. А это свидетельствует о том, что в Тропической Африке в отличие от стран, где капитализм развивался на основе разложения феодального способа производства и где простое товарное производство предшествовало капиталистическому, характерной чертой формирования рынка наемного труда являлось то, что его появление предшествовало возникновению товарного производства коренного населения. Наемный труд здесь был не конечным результатом развития последнего, а в известном смысле его исходным пунктом, поскольку он был той основой, на которой товарные отношения проникали в деревню в районах массового отходничества. В то же время само существование таких связей и взаимозависимостей, в свою очередь, было возможно только потому, что наряду с районами преобладания натурального хозяйства существовали уже привнесенные извне развитые формы капиталистического производства, нуждавшиеся в рабочей силе.

В связи с этим и рынок рабочей силы возникал здесь не как следствие внутренних законов, присущих развитию товарного производства и капитализма, а на основе колониальных методов внеэкономического принуждения. В начале XX в. крестьяне, обеспеченные основными средствами существования за счет натурального хозяйства, отказывались работать на колонизаторов, которые нуждались в рабочей силе. Поэтому, чтобы вырвать крестьянина из сферы натурального хозяйства и заставить его трудиться на европейцев, потребовалось широкое использование методов внеэкономического принуждения, начиная от распоряжений колониальной администрации и кончая введением денежных налогов и экспроприацией земель у африканцев.

Экспроприация земли у африканцев, порождавшая земельный голод в деревне, особенно широко практиковалась там, где наблюдалось усиленное проникновение европейского капитала, в частности в Гвинеи, Северной и Южной Родезии, Бельгийском Конго. Проводя в широких масштабах экспроприацию земли, колонизаторы выселяли африканцев в резерваты для того, чтобы они периодически уходили на заработки из-за недостатка земли для ведения натурального хозяйства. Насильственное отчуждение громадных земельных массивов в пользу европейцев ускорило процесс превращения десятков тысяч крестьян в отходников. Вместе с тем экспроприация земли у африканцев в больших масштабах вовсе не являлась обязательным условием возникновения системы отходничества, хотя она в значительной степени ускоряла этот процесс. В большинстве стран Тропического пояса количество экспроприированных колонизаторами земель практически было ничтожным, тем не менее

¹⁰ R. Buell. The Native Problem in Africa. Vol. I. N. Y. 1928, p. 394.

и в них возникла система отходничества. В данном случае главной причиной были денежные налоги, которые пробили брешь в натуральной замкнутости хозяйства африканского крестьянина (обусловленной натуральным производством), вынудили его вступить в товарные отношения, навязанные ему колонизаторами. Они явились основной формой государственного внеэкономического принуждения, заставлявшего африканца или уходить на заработки на предприятия, принадлежавшие европейцам, или производить нужные для колонизаторов товарные культуры.

Одним из важнейших последствий созданной колонизаторами системы отходничества было то, что миграция африканских крестьян способствовала падению производства в хозяйствах, их разорению. Тем самым эта система содействовала своему воспроизводству на новой, расширенной основе, когда заработная плата становилась уже не только средством для уплаты налога, но одним из условий существования крестьян. Ежегодный уход на заработки большого количества мужчин, нередко свыше 50% мужского населения, лишал африканскую деревню той рабочей силы, без которой сельскохозяйственное производство в условиях подсеčno-переложной земледелия вести было просто невозможно, поскольку ни детский, ни женский труд не могли заменить мужчин на ряде сельскохозяйственных работ и особенно в расчистке новых участков. Вот что, в частности, пишет по этому вопросу английский исследователь аграрных отношений в Тропической Африке У. Аллан: «Отсутствие мужчин в деревне играет определенную роль в длительной обработке одних и тех же участков. Мужчины часто оставляют женщин возделывать поля, и, если в деревне нет мужчин для расчистки новых участков, старые поля, конечно, возделываются в течение более долгого времени, чем позволяет их плодородие, даже там, где имеются свободные, невозделанные земли»¹¹. Используя систему отходничества, колонизаторы лишали африканскую деревню наиболее производительной рабочей силы. Поскольку возможности для расчистки новых участков сокращались, в то время как плодородие используемых наделов уменьшалось, происходило сокращение обрабатываемых площадей в хозяйствах крестьян-отходников, хотя формально за ними, как и за остальными жителями деревни, сохранялось право возделывания незанятых общинных земель. Таким образом, в Тропической Африке отделение непосредственного производителя от средств производства зачастую не только не предшествовало капиталистической эксплуатации, но даже являлось непосредственным следствием последней.

Преобладание натурального хозяйства в районах массового отходничества способствовало консервации традиционных отношений, в свою очередь задерживавших появление и развитие кули-продажи рабочей силы. Это было одной из главных причин сохранения здесь более низкой заработной платы по сравнению с районами эксплуатации отходников. Так, согласно обследованию П. Гулливера, проведенному в начале 50-х годов в Танганьике, в районе массового отходничества, где проживало племя нгонни, месячная зарплата составляла всего 22,5 шил., тогда как на сизалевых плантациях, принадлежавших европейцам, она достигала (с учетом стоимости питания) 54—65 шиллингов¹². Это обстоятельство вообще характерно для системы отходничества. «В районе выхода, районе отработок,— писал В. И. Ленин,—заработные платы сельским рабочим особенно низки, а в районе прихода, районе капитализма, заработные платы несравненно выше»¹³.

¹¹ W. Allan. Studies in African Land Usage in Northern Rhodesia. L. 1949, p. 36.

¹² См. P. H. Gulliver. Labour Migration in a Rural Economy. Kampala. 1955, p. 56.

¹³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 234.

Там, где развитие капитализма базировалось на эксплуатации крестьянина-отходника, налицо был глубокий разрыв между уровнями экономического развития отдельных районов. В одних преобладали натуральные отношения, другие отличались относительно высоким уровнем развития товарно-денежных отношений, что гарантировало постоянный приток дешевой рабочей силы на предприятия, возникавшие на базе ввоза европейского капитала. Колонизаторы стремились сохранить это неравенство в уровнях экономического развития не только в масштабах отдельных районов, но и между странами, причем некоторые из них были низведены до роли поставщиков рабочей силы за границу. В Центральной Африке к ним относятся, например, Малави и Руанда-Урунди, в Западной — Верхняя Вольта, Нигер и др.

Направляясь в районы найма, отходники были вынуждены проходить пешком большие расстояния, зачастую сотни миль, на что уходили многие недели, а порой и месяцы. «Если отдать себе полный отчет в том, что такое отходничество в смысле мытарств, лишений и страданий, переносимых людьми, — пишет Дж. Уоддис, — то станет ясно, как невыносимо тяжела участь африканцев и какая безысходная нищета заставляет такое количество людей постоянно бросать дома, жен, детей, покидать родные равнины или горы, проходить сотни миль по безлюдным просторам, трудиться от зари до зари на фермера-иностранца либо же спускаться во мрак копей, чтобы добывать золото, олово или медь для европейского хозяина»¹⁴. Запасов продовольствия, взятых из дому, чаще всего не хватало на такие длительные переходы. Не имея денег для пропитания, отходники были вынуждены от случая к случаю подрабатывать в пути в зажиточных крестьянских хозяйствах, где им, как правило, платили не деньгами, а продовольствием. Все это вызывало громадные непроизводительные расходы, связанные с поисками работы.

Другим важным следствием преобладания отходничества было почти полное отсутствие среди коренных африканцев квалифицированных кадров, что также резко суживало возможности развития экономики в странах Тропической Африки. Возвращаясь в свои деревни, отходники быстро утрачивали производственные навыки, приобретенные за время ухода на заработки. Если же они вновь уходили в отход, то нередко попадали на другое предприятие, где им приходилось обучаться новым производственным операциям. Вот что пишут, например, по этому поводу английские авторы Р. и С. Соферы, изучавшие систему отходничества в Уганде: «Постоянная сменяемость рабочих на предприятиях препятствует развитию производственных навыков, так как через короткий срок они покидают город. Даже если они возвращаются потом обратно, то забывают многое из того, чему их обучали. Смена предпринимателя зачастую влечет за собой изменение того вида работы, который им требуется выполнять, и, следовательно, приводит к утрате старых навыков»¹⁵. В связи с этим одна из важнейших черт структуры рабочей силы на капиталистических предприятиях Тропической Африки заключалась в том, что эксплуатировавшиеся в качестве отходников африканцы, как правило, выполняли неквалифицированные работы, связанные с минимальным производственным обучением, тогда как немногочисленные кадры квалифицированных специалистов преимущественно состояли из лиц европейского и азиатского происхождения. Тот факт, что предприятия, принадлежавшие колонизаторам, базировались прежде всего на эксплуатации неквалифицированных рабочих, служил предпосылкой сохранения низкого органического строения капитала и крайне ограничивал возможности технического прогресса.

Все это — и поиски отходниками работы и почти полное отсутствие

¹⁴ Дж. Уоддис. Указ. соч., стр. 97.

¹⁵ C. and R. Sofer. *Jinja Transformed*. Kampala. 1956, p. 41.

квалифицированных африканских кадров — вело к тому, что функционирование промышленного капитала в Тропической Африке сопровождалось громадными трудовыми потерями в общественном масштабе. Однако, с точки зрения индивидуального европейского предпринимателя, эксплуатация отходников оказывалась более прибыльной, чем кадровых рабочих. Отходники оплачивались намного дешевле по сравнению с кадровыми рабочими, поскольку плата должна была обеспечить существование только самого отходника, без семьи, проживавшей в деревне за счет натурального хозяйства. Пособия по безработице, увечьям и болезням отходникам не выплачивались. Фактически эти расходы также ложились на африканскую деревню. «Европейцы, — пишет американский автор М. Форрестер, — использовали африканское натуральное хозяйство в традиционном секторе экономики, чтобы субсидировать заработную плату рабочих в товарном секторе... Такое субсидирование, с одной стороны, было одной из главных причин ускоренного накопления капитала в товарном секторе, с другой — чрезвычайно суживало внутренний рынок, что, в свою очередь, ограничивало возможности новых инвестиций»¹⁶.

Система отходничества включала в себя не только уход крестьян на заработки, связанный с разорением крестьянства, но и систематической их возвращение в деревню, обусловленное низкой заработной платой, недостаточной для содержания семьи, предоставлением предпринимателями жилья преимущественно одиноким рабочим, запрещением безработным африканцам проживать в городах и одновременно сохранением традиционного права крестьян на землю в районах ухода на заработки.

Большая текучесть рабочей силы, вызывавшаяся системой отходничества, делала необходимым вовлечение в сферу наемного труда значительно большего числа лиц, чем это могло бы быть при эксплуатации кадровых рабочих, или, иначе говоря, число отходников должно было значительно превышать количество рабочих мест. Насколько это обстоятельство было важным, можно судить по постоянным жалобам предпринимателей на то, что увеличение заработной платы сопровождалось ростом текучести рабочей силы и сокращением ее предложения, так как потребная численность отходников находилась в обратно пропорциональной зависимости к среднему промежутку времени, в течение которого они работали по найму. То, что отходник быстрее уходил в деревню, если его заработная плата увеличивалась, объяснялось отнюдь не приверженностью африканцев к традициям сельской жизни или их «нежеланием» повысить свой жизненный уровень, а тем, что сам прирост заработной платы был обычно не столь значителен, чтобы стимулировать их продолжать работать вдали от своих семей. «Небольшое увеличение заработной платы, — подчеркивает П. Гулливер, — не позволяет отходникам заметно повысить свой уровень жизни по сравнению с преобладающими у них на родине племенными стандартами... и обычно они, за исключением юношей, предпочитают жить в своей деревне»¹⁷.

Эксплуатация крестьян-отходников, связанный с натуральным хозяйством, является, пожалуй, наиболее характерной чертой промышленного капитала в африканских колониях. Вместе с тем последний в целом смог утвердиться лишь в немногих отраслях, преимущественно в производстве сырья. В тех же случаях, когда издержки капиталистического производства не могли обеспечить достаточно высокую прибыль, оно развивалось, не на базе промышленного капитала, а на основе мелкого хозяйства африканских производителей, которых подчинял и эксплуатировал торговый капитал. Это было особенно типичным для африканской деревни. Дело в том, что по сравнению с капиталистическими

¹⁶ M. Forrester. Kenya Today. Nairobi. 1962, p. 66.

¹⁷ «Africa. Social Problems of Change and Conflicts». San Francisco. 1965, p. 428.

предприятиями, принадлежавшими европейцам, мелкие крестьянские хозяйства оказывались более приспособленными к производству низкодоходных культур. Связанные с натуральным хозяйством крестьяне, отличавшиеся от наемных рабочих «более низким уровнем потребности, большим умением голодать и надрываться над работой»¹⁸, имели меньшие денежные издержки производства по сравнению с предпринимателями, широко эксплуатирующими наемный труд¹⁹. Это обстоятельство отмечают и западные исследователи. «Крестьянин,— пишет, в частности, английский автор И. Клейтон,— при определенных обстоятельствах может производить на рынок с небольшими издержками. Для этого необходимы по крайней мере три условия: во-первых, альтернативой производству товарной культуры должно быть производство продовольствия, во-вторых, отсутствие или незначительное использование наемного труда, подразумевающее небольшие денежные издержки, в-третьих, производство и обработка относительно несложными методами товарных культур в небольших хозяйствах»²⁰.

Для сравнения можно сослаться на данные об издержках производства и доходах европейских и африканских хозяйств Кении, относящиеся к 1957 году. Эти сведения показывают, что, несмотря на более высокую производительность труда у рабочих, занятых на плантациях и принадлежавших европейцам неспециализированных фермах, по сравнению с работниками, занятыми в крестьянских хозяйствах (соответственно 148 и 165 ф. ст. против 99 ф. ст. выработки, приходящейся на одного занятого мужчину), отношение чистого дохода к издержкам производства в хозяйствах коренного населения было более высоким (50,3%, 15,5%, 54% соответственно)²¹. Это достигалось в первую очередь за счет более ограниченных потребностей крестьян, сохранявших связь с натуральным производством, и их большим «умением голодать» по сравнению с лицами наемного труда. Поэтому колонизаторам зачастую было выгоднее стимулировать мелкое крестьянское производство экспортных культур, связанное с натуральным хозяйством, чем крупные предприятия, эксплуатировавшие наемных рабочих, несмотря на более высокую производительность труда последних. Монополии были заинтересованы не в более высокой производительности труда, а в максимальном извлечении прибавочной стоимости за счет эксплуатации африканцев.

Крупные капиталистические хозяйства не могли удовлетворить растущие потребности мирового капиталистического рынка в сельскохозяйственном сырье. В целях увеличения производства экспортной продукции в низкодоходных отраслях монополии использовали крестьянские хозяйства. В Тропической Африке только на их базе можно было обеспечить производство таких культур, как, например, хлопок, земляной орех, кофе низших сортов и т. д. Низкие денежные издержки крестьян, производивших продукты на рынок, были обусловлены тем, что наряду с производством для продажи у них сохранялось натуральное хозяйство. Эту связь торгового земледелия с натуральным колонизаторы стремились сохранить, консервируя изолированность африканской деревни от рынков. Было бы неверным из этого делать вывод, что в деревне совершенно отсутствовал рынок для продажи продуктов продовольствия. Такой рынок существовал. Однако его особенность заключалась в том, что он обеспечивался обычно почти исключительно за счет мест-

¹⁸ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 4, стр. 147.

¹⁹ В деревне Тропической Африки в крестьянских хозяйствах, как правило, выращиваются потребительские культуры и изготавливаются предметы домашнего обихода для своего пользования даже в тех случаях, когда часть продукции производится на рынок.

²⁰ E. S. Clayton. *Agrarian Development in Peasant Economics. Some Lessons from Kenya*. Oxford. 1964, p. 75.

²¹ «Economic Development for Africa South of the Sahara». Ed. by E. Robinson. L. 1964, p. 136.

ного производства и был подвержен резким колебаниям цен. В период сбора урожая, когда деревенская беднота продавала продукцию своего хозяйства для того, чтобы расплатиться с долгами, цены на продовольствие были чрезвычайно низки. Зато накануне сбора урожая цены поднимались, становясь недоступными для рядового крестьянина.

За счет натурального хозяйства крестьянин практически обеспечивал себя всем необходимым: продовольствием, частично одеждой, примитивным инвентарем и т. п. В условиях тропического климата и ограниченных потребностей деньги крестьянам требовались преимущественно для уплаты налогов и покупки тех немногих предметов потребления, которые они не могли произвести в своем хозяйстве. Это позволяло монополиям скупать продукцию крестьян по низким ценам. В целом товарное земледелие коренного населения в Тропической Африке развивалось не столько за счет сокращения натурального производства, сколько за счет освоения новых земель. Посевы потребительских культур до сих пор занимают большое место в крестьянских хозяйствах, производящих продукты на рынок. «Наиболее яркая черта африканского сельского хозяйства,— пишет американский специалист в области сельского хозяйства Дж. Уайлд,— заключается в том, что оно продолжает сохранять натуральное производство. На долю последнего, по-видимому, приходится 70% обрабатываемой земли и затрат труда. Даже там, где торговое земледелие получило значительное развитие, крестьяне продолжают стремиться обеспечить себя продовольствием за счет собственного производства. Это стремление во многом определяет количество возделываемой земли в большинстве районов Африки, и во многих случаях ограниченные ресурсы рабочей силы или недостаток инвентаря не позволяют возделывать относительно большие участки под товарные культуры»²².

Колониальный капитал независимо от того, выступал ли он в промышленной или торговой форме, был заинтересован в сохранении натурального производства. Этим процесс капиталистического накопления в Тропической Африке существенно отличался от аналогичных процессов в экономически развитых странах, где капитализм ликвидировал натуральные отношения в деревне, трансформируя ее по своему образу и подобию. Важная черта развития капитализма в Тропической Африке заключалась также и в том, что оно было обусловлено нуждами иностранного монополистического капитала. В связи с этим и рынок здесь складывался преимущественно не на основе стихийной частной конкуренции, сфера которой ограничивалась в основном мелкой розничной торговлей, а на базе монополии иностранного капитала, опиравшегося на торгово-ростовщическую деятельность социальной верхушки африканской деревни.

В наиболее развитом виде этот симбиоз самых современных форм монополии, присущих империалистической стадии развития капитализма, с ее наиболее отсталыми, средневековыми формами обнаруживается в деятельности торговых организаций, занимавшихся скупкой продукции африканских крестьян. Такие организации могли быть частными или государственными. В английских колониях в послевоенные годы скупкой крестьянской продукции занимались государственные управления по торговле, во французских — как государственные организации, так и частные фирмы. Но независимо от этого все они обладали монополией на скупку продукции у крестьян. Устанавливаемые ими закупочные цены предусматривали большие отчисления в виде доходов и налогов. О том, какие громадные средства выкачивались у африканских крестьян, можно судить, например, по тому, что только

²² J. Wild e. Experiences with Agricultural Development in Tropical Africa. Vol. I. Maryland. 1968, p. 22.

с 1950 по 1953 г. чистый доход колониальной казны в Уганде от операций по продаже продукции африканских крестьян с учетом налога на экспорт составил 14,9 млн. ф. ст., тогда как африканским производителям хлопка и кофе за это же время было выплачено всего 13,8 млн. ф. стерлингов²³.

Однако эти цифры еще не раскрывают полностью подлинные масштабы колониального ограбления африканских крестьян. Надо учесть еще подушный налог, налог на продукцию, продаваемую крестьянами на местных рынках, а также косвенные налоги на покупаемые ими промышленные товары. Согласно оценке английского этнографа И. Уинтера, обследовавшего кофейных производителей племени бвамба, колониальные власти в начале 50-х годов изымали у африканских крестьян Уганды приблизительно $\frac{2}{3}$ стоимости продукции, реализованной на рынке²⁴. Такие масштабы ограбления африканской деревни были возможны прежде всего потому, что оно не затрагивало натурального хозяйства, обеспечивавшего африканских производителей основными средствами жизни. Вместе с тем сама эта возможность могла быть реализована только в условиях существования монополии, диктовавшей низкие цены на продукцию африканских крестьян.

Основанием этой монополии служил мелкий частный капитал. Организации, обладавшие монополией на скупку крестьянской продукции, обычно сами непосредственно у крестьян ничего не покупали. Этим занимались торговцы, имевшие специальные лицензии и обязанные сдавать скупаемую продукцию на склады торговых организаций или посредникам этих организаций — владельцам первичных перерабатывающих предприятий. Искусственно заниженные цены могли существовать только в условиях монополии мелкого торговца, препятствовавшей конкуренции между скупщиками, что достигалось системой ограничения выдачи лицензий. Иначе говоря, поддержание низких закупочных цен требовало установления монопольного положения посредников на всех стадиях реализации продукции африканских крестьян.

Большое значение для поддержания низких цен имел и монокультурный характер крестьянского товарного производства, который предполагал отсутствие или по крайней мере эмбриональное состояние местного рынка для других видов товарной продукции. Монокультурный характер не только гарантировал специализацию товарного производства в нужном для колонизаторов направлении, но и способствовал его росту даже в условиях падения фермерских цен, поскольку у крестьянина практически не было возможности получать деньги из других источников. «Известная невосприимчивость крестьянина к падению цен, — справедливо подчеркивает И. Клейтон, — показывала лишь то, насколько экспортная культура (например, кофе) более доходна по сравнению с той продукцией, которую он выращивал для собственных потребностей»²⁵. Поэтому эта «невосприимчивость» была тем больше, чем меньше у крестьянина оставалось возможностей для перехода к производству на рынок новых видов товарной продукции, или, иначе говоря, чем больше стабилизировался монокультурный характер его товарного производства. А это как раз и отвечало интересам монополий, заинтересованных в скупке сельскохозяйственного сырья по низким ценам. Фактически африканский крестьянин, как пишет тот же И. Клейтон, в нормальных условиях мог выращивать только одну товарную культуру. Это достигалось мерами, ограничивавшими рост местных рынков, государственным распределением посадочного и семенного мате-

²³ «Economic Development for Africa South of the Sahara», p. 126.

²⁴ E. H. Winter. Bwamba Economy. The Development of a Primitive Subsistence Economy in Uganda. Kampala. 1953, p. 35.

²⁵ E. Clayton. Op. cit., p. 102. Под «невосприимчивостью» крестьян подразумевается рост товарного производства в их хозяйствах в условиях падения цен.

риала, организацией системы сбыта и переработки крестьянской продукции и т. д.

Насаждавшаяся колонизаторами монокультурность крестьянского товарного производства характеризуется той же закономерностью, которая свойственна и эксплуатации отходников — заинтересованностью колониального капитала в сохранении узости внутреннего рынка. Эта особенность прямо противоположна тому, что происходило в экономически развитых странах, где капитал стремился всемерно расширить границы внутреннего рынка. Узость внутреннего рынка и связанный с ней натуральный характер воспроизводства в крестьянских хозяйствах позволяли колонизаторам снижать скупочные цены, так как их падение сказывалось не столько на процессах производства, сколько на личном потреблении крестьян. Это же обстоятельство не позволяло рынку непосредственно воздействовать на технологию производства. Поэтому одной из характернейших черт развития африканского торгового земледелия была система государственной регламентации производственных процессов в хозяйствах крестьян. С помощью мер внеэкономического принуждения колониальный капитал регулировал агротехнику, обеспечивая стандартизацию товарной продукции мелких полунатуральных производителей.

Товарное производство подобного типа могло существовать только в условиях сохранения примитивной материально-технической базы, характерной для натуральной экономики. Поэтому в колониальный период она мало изменилась по сравнению с той, которая существовала до прихода европейцев. «На территории большей части Тропической Африки до сих пор мотыга и топор являются единственными сельскохозяйственными орудиями. Хотя плужная обработка земли с использованием скота в качестве тягловой силы в некоторых районах достигла большого прогресса, она не получила распространения даже там, где содержанию скота не препятствовала зараженность мухой цеце. Применение повозок (они стоят значительно дороже плугов) еще более ограничено, а тракторы используются и того меньше»²⁶. Техническая отсталость и базировавшиеся на ней архаические производственные отношения были необходимой предпосылкой накопления капитала в колониях, препятствуя в то же время капиталистической трансформации африканской деревни.

В условиях низких закупочных цен слабая производительность труда, обусловленная примитивной технической базой, делала зачастую невыгодным широкое использование в зажиточных крестьянских хозяйствах наемного труда в качестве основного источника прибавочной стоимости. «Доходы африканских фермеров, — пишут английские экономисты А. Пис и Р. Говард, — возникают как прямой результат затрат большого количества труда рабочей силы семьи (под семьей здесь подразумеваются все лица, работающие в хозяйстве фермера за продовольствие. — Ю. И.). Если бы стоимость затрат, приходящихся на содержание рабочей силы семьи, была бы замещена заработной платой наемного рабочего, то тогда вознаграждение фермера значительно бы уменьшилось и во многих случаях он нес бы убытки. Формы организации африканского земледелия, даже торгового, таковы, что денежный доход фермера был бы незначительным без использования рабочей силы семьи»²⁷.

Этот вывод подтверждается сопоставлением заработной платы наемного рабочего с валовым доходом фермера. Например, в Центральной провинции Кении (дистрикт Киамба), по данным сельскохозяйственной

²⁶ J. Wilde. Op. cit., p. 214.

²⁷ A. Pees and R. Howard. An Economic Survey of Commercial African Farming Among the Sala of the Mumbwa District of Northern Rhodesia. Lusaka. 1955, p. 57.

переписи 1963/64 г., дневная заработная плата наемного рабочего мужчины в африканских хозяйствах составляла 2,35 шил., а валовой доход фермера, приходящийся на рабочий день в зажиточных хозяйствах — 2 шил., в дистрикте Форт Холл соответственно — 2,35 шил. и 1,02 шил., в дистрикте Эмбу — 2,37 шил. и 1,71 шил., в дистрикте Ньери — 2,05 шил. и 2,31 шил., в дистрикте Меру — 1,95 и 2,01 шил.²⁸. В Танганьике, по данным западногерманского автора Г. Рутенберга, валовой доход крестьян Сукумаленда от производства кукурузы, сорго, земляного ореха и хлопка, выращенных на одном акре, в начале 60-х годов составлял от 100 до 300 шил.²⁹. Причем для производства этих культур, исключая расчистку участка, то есть на возделывание почвы, севе, прополке и уборке, требовалось затратить по крайней мере 400 час. на акр. Таким образом, валовой доход, приходящийся на час труда, составлял от 0,25 до 0,75 шил. В то же время заработная плата работника в крестьянском хозяйстве, включая натуральную оплату, равнялась, согласно приводимым Г. Рутенбергом данным, 3,5 шил. в день. Иначе говоря, без учета затрат на расчистку участка и средства производства при оптимальных условиях валовой доход с акра мог превысить издержки на заработную плату всего на 84 шил. Однако если учитывать и упомянутые выше статьи расходов, то, по-видимому, окажется, что при использовании труда наемных работников, даже при оптимальном варианте, дохода или совсем не будет, или он будет ничтожно мал. Не случайно Г. Рутенберг, хорошо знакомый с экономикой сельского хозяйства Танганьики, подчеркивал, что лишь несколько экспортных культур позволяют получать критический минимум выше издержек, связанных с наймом сезонников³⁰.

Невыгодность использования наемного труда в крестьянских хозяйствах этой страны подтверждается и другими обследованиями. Например, по данным западногерманского автора К. Фридриха, в дистрикте Букоба часовая заработная плата наемного рабочего в африканском сельском хозяйстве составляла 0,31 шил., а валовой доход фермера при выращивании однолетних культур, приходящийся на рабочий час, — 0,24—0,29 шил.³¹. В Уганде, по подсчетам английского автора Дж. Ригли, для производства хлопка на одном акре (без учета затрат труда на предварительную расчистку участка) требовалось 98—150 рабочих дней, а для расчистки одного акра и его грубой, предварительной вспашки необходимо было работать еще 40—60 рабочих дней³². Учитывая, что обычно срок непрерывной обработки одного и того же участка составлял около четырех лет, все затраты труда, приходящиеся на сезон, составляют от 108 до 165 рабочих дней. Дж. Ригли за основу расчетов берет семичасовой рабочий день. Однако в действительности, как показывают результаты многих обследований, в африканских хозяйствах он равнялся 5 часам. В данном случае фактические затраты труда при производстве хлопка на одном акре достигают от 151 до 235 рабочих дней. За 16 лет (с 1945 по 1960 г.) средний урожай хлопка с акра составлял 289 фунтов. В начале 50-х годов фермерская цена хлопка была около 50 центов за фунт, или за 289 фунтов приблизительно 150 шиллингов. Таким образом, валовой доход, пришедшийся на один день, варьировал от 1,0 до 0,6 шил., тогда как месячная зарплата рабочего в африкан-

²⁸ «Republic of Kenya. Economic Survey of Central Province 1963/64». Nairobi. 1968, pp. 20, 22.

²⁹ H. R h u t e n b e r g. Agricultural Development in Tanganyika. B. (West). 1964, p. 10.

³⁰ «Smallholder Farming and Smallholder Development in Tanzania». München. 1968, p. 316.

³¹ Ibid., pp. 184, 203.

³² G. W r i g l e y. Tropical Agriculture. The Development of Production. L. 1961, p. 149.

ских хозяйствах Буганды зачастую была близка к 25 шил., или, иначе говоря, 1 шил. в день, исходя из 25 рабочих дней в месяц.

Приведенные расчеты показывают невыгодность систематического использования наемного труда при выращивании хлопка в Уганде. Они подтверждаются наблюдениями многих исследователей. Так, в сборнике «Экономическое развитие и племенные изменения» (Кампала, 1956) приводится заявление одного из бугандских вождей о том, что низкие цены на хлопок не позволяют оплачивать издержки, связанные с наймом рабочих для его выращивания³³. На это же указывает и проводившая наблюдения в хлопководческих районах Уганды Хиксли, которая подчеркивает, что «издержки, связанные с наймом, превышают доход от выращивания хлопка»³⁴. Невыгодность использования наемного труда при выращивании продовольствия в Нигерии отмечена группой Галлетти, которая обследовала районы, производящие какао. Согласно результатам этого обследования, в крупнейших хозяйствах чистый доход с учетом стоимости рабочей силы и семян должен был составить всего 4 ф. ст. с акра, а другие хозяйства, применявшие более интенсивные методы земледелия, вообще должны были понести убытки³⁵.

Невыгодность использования наемного труда в крестьянских хозяйствах являлась одной из главных причин его ограниченного распространения в деревнях Тропической Африки. Так, в Замбии, по предварительным данным переписи населения 1963 г., у местных африканских предпринимателей (в основном в сельском хозяйстве) работала лишь 41 тыс. постоянных рабочих. В Гане даже в районах производства какао наемный труд до сих пор используется весьма ограниченно. «Наем рабочей силы,— пишет об этих районах английская исследовательница П. Хилл,— не является главным: многие капиталистические фермеры, которые в течение ряда поколений приобрели навык инвестировать чистый доход в целях расширения своих предприятий, никогда не нанимали наемных рабочих»³⁶. Ограниченный характер имеет использование найма и в республике Берег Слоновой Кости, где торговое земледелие получило значительное развитие. В районах производства кофе владельцы крупных хозяйств широко применяли труд мелких арендаторов, получавших треть урожая. В Центральной провинции Кении, согласно результатам обследования 1963/64 г., лишь 5% трудовых затрат в деревне провинции приходилось на долю наемного труда. В Сукумаленде, основном хлопкопроизводящем районе Танзании, в начале 60-х годов считалось серьезным нарушением традиций нанимать рабочего (кроме выполнения сезонных и поденных работ). Там же в кофейнопроизводящих районах дистрикта Букоба в середине 60-х годов только 6% трудовых затрат приходилось на наемный труд, в дистрикте Лушото, в районе развитого торгового земледелия,— 20%, а там, где преобладало натуральное хозяйство, наемный труд вообще не использовался.

Характерная черта наемного труда в африканских хозяйствах заключалась в его почти исключительно сезонном характере, он приходился в основном на период страды. Однако такое применение наемного труда нельзя считать капиталистическим в строгом смысле этого слова, поскольку он не создавал или почти не создавал прибавочной стоимости, а лишь обеспечивал создание прибавочного продукта, главным образом за счет докапиталистических методов. Колониальная эксплуата-

³³ «Economic Development and Tribal Change. A Study of Immigrant Labour in Buganda». Kampala. 1956, p. 246.

³⁴ Цит. по: G. Wrigley. Crops and Wealth in Uganda. Kampala. 1959, p. 67.

³⁵ См. R. Galletti. Nigerian Cocoa Farmers. An Economic Survey of Youruba Cocoa Farming Families. Oxford. 1956.

³⁶ С. И. Кузнецова Переписи населения как источник для определения социальной структуры Замбии, Малави и Родезии. «Народы Азии и Африки», 1966, № 5, стр. 152; P. Hill. The Gold Coast Cocoa Farmer. L. 1956, p. 86.

ция народов Тропической Африки, втянувшая их в сферу деятельности международного монополистического капитала, покоилась на неразвитых отношениях найма, который зачастую вообще не носил капиталистического характера.

Невыгодность широкого использования наемного труда служила одной из главных причин, обуславливавших консервацию докапиталистических традиционных отношений. Не наемные рабочие, а крестьяне, наделенные землей на условиях отработки, издольщики, лица, обрабатывавшие за продовольствие и одежду, и т. д., зачастую связанные с владельцами зажиточных хозяйств отношениями родства, представляли наиболее распространенные типы эксплуатируемой деревенской бедноты. А это, в свою очередь, указывает на то, что монополистический капитал, насаждая товарное производство в африканской деревне, эксплуатировал ее преимущественно в таких формах, которые чрезвычайно ограничивали возможности ее буржуазной трансформации. Поэтому крестьянство Тропической Африки в своей подавляющей массе не было мелкобуржуазным — обстоятельство, на которое обратил внимание советский исследователь В. Л. Тягуненко, отметивший, что «в большинстве колоний и полукolonий основную массу населения составляет общинное, полуфеодальное и феодальное крестьянство, которое еще не стало мелкобуржуазным»³⁷.

Было бы, конечно, несправедливо делать вывод, что в Тропической Африке в колониальный период не было крестьянских хозяйств, широко эксплуатировавших наемный труд. Такие хозяйства имелись, но они были относительно немногочисленны по сравнению с общим количеством зажиточных хозяйств и концентрировались в производстве немногих культур (таких, как кофе, табак), доходы от которых позволяли повсеместно в широких масштабах применять в крестьянских хозяйствах наемный труд. Вместе с тем следует учитывать, что даже в тех случаях, когда использование наемного труда в качестве основы создания прибавочной стоимости оказывалось выгодным, докапиталистические методы эксплуатации, как правило, вытеснялись далеко не полностью. Это было вызвано тем, что обычно в хозяйствах, производивших на рынок, сохранялось обусловленное ограниченностью рынка продовольствия натуральное производство, а вместе с ним и докапиталистические производственные отношения. Последние оказывали воздействие на производство товарной продукции даже там, где оно было относительно высокодоходным, поскольку издержки содержания работника, эксплуатируемого докапиталистическими методами, ниже, чем наемного рабочего.

В условиях экстенсивного сельскохозяйственного производства, когда затраты труда в основном носили сезонный характер и периоды полевых работ в товарном и натуральном производстве не совпадали, возможности использования постоянных наемных рабочих были ограниченными. Это вело, с одной стороны, к распространению сезонного найма, с другой — к использованию в производстве высокодоходной товарной продукции постоянного работника, эксплуатировавшегося докапиталистическими методами. В связи с этим в условиях Тропической Африки развитие товарного производства в деревне практически не сопровождалось становлением капиталистических хозяйств. Даже в высокодоходных отраслях товарные хозяйства, как правило, еще не были капиталистическими, представляя лишь переходные формы от феодальных методов хозяйствования к капиталистическим. При низкой производительности труда и низких фермерских ценах наиболее доходными оказывались такие хозяйства, процесс воспроизводства в которых был

³⁷ В. Л. Тягуненко. Указ. соч., стр. 28.

слабо товаризован. Расчеты некоторых исследователей показывают, что если бы воспроизводство в них было полностью товаризовано, то даже в высокодоходных отраслях они несли бы убытки или же давали значительно меньший доход, чем в условиях сохранения связи с натуральным производством³⁸.

Система империалистической эксплуатации, резко сужавшая возможности накопления, препятствовала товаризации африканских хозяйств. Даже при благоприятной конъюнктуре на мировом рынке (например, в первое десятилетие после окончания второй мировой войны) африканское торговое земледелие, развиваясь вширь, не могло осуществить переход от полунатуральных методов хозяйствования к товарным, так как колонизаторы сознательно удерживали фермерские цены на низком уровне. Не случайно влиятельная английская газета «The Times» писала, что политика «маркетинг бордз» (управлений, скупающих продукцию крестьян.— Ю. И.) тормозила рост класса кулаков в африканской деревне³⁹. Еще меньше возможностей для роста африканского промышленного капитала было в городе, где ключевые позиции находились в руках иностранных фирм.

Единственной сферой, где в колониальный период местный капитал сумел более или менее прочно утвердиться, была розничная торговля, связанная с обслуживанием коренного населения. Эта торговля обычно имела ничтожные обороты, операции в ней производились зачастую нерегулярно, что препятствовало непосредственному подчинению ее иностранному капиталу. Обычно эта торговля сочеталась с ростовщичеством. Африканские торговцы широко предоставляли покупателям кредит товарами и деньгами. Зачастую они не только продавали товары, но и скупали продукцию крестьян и ремесленников, выполняя роль посредников монополий. В целом местный капитал принимал преимущественно торгово-ростовщические формы, позволявшие ему функционировать и при отсутствии развитого товарного производства.

Таким образом, экспансия иностранного капитала, способствовавшая росту товарно-денежных отношений в Тропической Африке, базировалась на консервации архаических производственных отношений. Эксплуатируя докапиталистические уклады, он паразитировал на них, препятствовал переходу к новым формам производства. Проникновение капитализма в этот регион не сопровождалось ликвидацией натуральных форм хозяйства и покоящейся на них социальной структуры, которые служили важнейшим условием и предпосылкой существования колониальной эксплуатации. В этом и заключается одна из важнейших особенностей развития капитализма в данном регионе.

³⁸ См., например, С. Mbilinyi. Estimation of Peasant Farmers Cost Production. The Case of Bukoba Robusta Coffee. Dar es Salaam. 1968.

³⁹ Цит. по: G. Hunter. The New Societies of Tropical Africa. L. 1962, p. 152.